

Новицкая Вера Сергеевна

Наташа Славина

Повесть для юношества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В31

В31 **Вера Сергеевна Н.**
Наташа Славина: Повесть для юношества / Новицкая Вера Сергеевна – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 240 с.

ISBN 978-5-521-25398-2

ISBN 978-5-521-25398-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Наташа Славина.

(Повѣсть для юношества.)

.
Любовь и скорбь одно и то же,
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.

ГЛАВА I.

Молодой врачъ Димитрій Андреевичъ Соляскій только что проводилъ послѣдняго больного, когда прислуга подала ему письмо. Едва бросилъ докторъ мимолетный взглядъ на конвертъ, какъ все лицо его преобразилось, и большіе каріе глаза засвѣтились теплымъ свѣтомъ.

— Отъ тети Вари! Наконецъ-то! — тихо и радостно проговорилъ онъ, направляясь къ мягкому креслу, придвинутому къ самому окну, чтобы прочитать тамъ дорогія строки.

Еще на ходу взорвалъ онъ конвертъ и торпливо развернулъ листокъ. Нѣсколько неровныхъ, дрожащей, неразборчивой рукой написанныхъ строкъ, при взглядѣ на которыя все жизнерадостное, ясное выраженіе лица Дими-

трія Андреевича сразу словно потускнѣло; тревожный, влажный взоръ впился въ бѣлый листокъ.

«Дорогой Дима! — стояло тамъ. — Я собрала свои послѣднія, уходящія силы, чтобы проститься съ тобой... да, родной мой, проститься... Я умираю, едва ли доживу даже до той минуты, когда ты будешь читать эти строки. Прощай, милый! Моя послѣдняя къ тебѣ просьба: приюти Наташу, она еще не у пристани, даже не доучилась. Только тебѣ могу я ее довѣрить, только ты сбережешь и поддержишь ее. Въ тебя я вѣрю, ты не предашь. Цѣлую и благословляю тебя и Катю. Храни васъ Богъ...

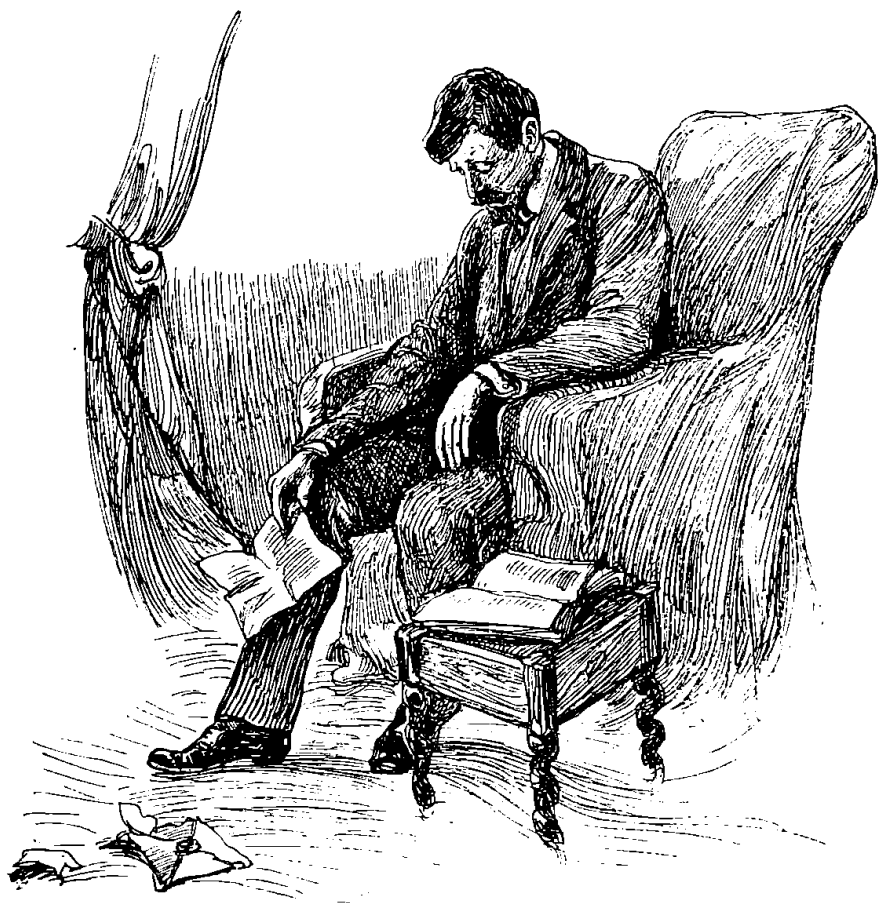
Твоя тетя Варя».

Чуть ниже на той же страницѣ стояла краткая приписка другимъ четкимъ, круглымъ почеркомъ.

«Дима, Дима, ужъ мамы нѣтъ, нѣтъ моей чудной, дорогой мамы! Сегодня въ 6 часовъ утра она ушла отъ насъ. Въ среду похороны. Писать не въ силахъ. Если можешь, приѣзжай.

Твоя Наташа».

Словно разбитый, надломленный машинально опустился Димитрій Андреевичъ въ кресло. Что-то большое, тяжелое подступало къ горлу, острая боль и горячая волна безконечной любви и нѣжности наполняли его сердце.

«Тетя Варя, милая, свѣтлая, родная!..»

Тетя Варя!.. Съ этимъ именемъ связаны первые свѣтлыя впечатлѣнія его жизни, первые сознательныя воспоминанія о материнской заботливости, ласкѣ и любви. Только послѣ встрѣчи съ этой женщиной жизнь его приняла ясныя, опредѣленные очертанія. До того — ему мерещится темный садъ, большой низкій пустынный домъ, блѣдная и молчаливая женская фигура, изрѣдка проводящая тонкой худой рукой по его стриженной головкѣ; крошечная сестрен-

ка, вѣчно плачущая и хватаящаяся за юбку ворчуньи - няньки. Смутно рисуется мрачная большая комната и долгіе мѣсяцы лежащая тамъ на кровати фигура блѣдной женщины—его матери. Потомъ она лежитъ уже среди неуютнаго, почти пустого зала, на бѣломъ длинномъ столѣ; кругомъ дымъ, странный запахъ, какіе-то люди; что-то поютъ и, наконецъ, приподнимаютъ и куда-то несутъ маму. Няня что-то причитаетъ, какъ будто ворчить. Черезъ нѣкоторое время другіе люди, какой-то господинъ съ цѣпью на груди. Изъ дома все выносятъ, полная пустота кругомъ. Наконецъ нянька, причитая и говоря что-то непонятное, уводитъ ихъ съ сестренкой изъ стараго дома, уводитъ совсѣмъ.

Вотъ небольшая избушка, нѣсколько грядокъ возлѣ нея; вотъ нянинъ мужъ, лохматый мужикъ съ большой шишкой на головѣ. Теперь они живутъ у няни. Но однажды приходитъ въ ихъ хатенку высокій баринъ съ большими черными усами и съ краснымъ околышкомъ на фуражкѣ. И няня и мужъ ея низко кланяются ему, много такъ говорятъ и все про нихъ, про него съ Катюшей, все на нихъ показываютъ. Потомъ собираютъ ихъ вещи; няня беретъ Катю на руки, баринъ беретъ за руку его, Диму, они садятся въ коляску, затѣмъ на машину. Куда-то пріѣхали: кругомъ шумъ, стукъ, большіе дома, столько людей, столько колясокъ. Вотъ красивый домъ, высокая лѣст-

ница; поднимаются. Они въ прихожей. Навстрѣчу имъ идетъ молоденькая, стройная, бѣлокурая женщина. Она обнимаетъ дѣтей, ласково проводитъ своими маленькими ладонями по ихъ щечкамъ, тепло и задушевно звучить ея голосъ. О, какъ хорошо, какъ отчетливо помнить онъ и этотъ домъ, и эту лѣстницу, по которой столько разъ, всегда съ радостью въ сердцѣ, взбирался онъ, и эту чудную тоненькую женщину, этотъ незабвенный, въ душу проникающій голосъ, эти милыя, ласковыя ручки,—руки тети Вари!.. Какую громадную любовь, заботу и утѣшеніе всегда находилъ онъ у этой маленькой женщины съ той самой минуты, какъ господинъ съ черными усами и въ красной фуражкѣ ввелъ его подъ ея кровлю, и потомъ въ теченіе всей дальнѣйшей жизни, вплоть до настоящаго момента.

Михаилъ Васильевичъ Славинъ, родной братъ мужа тети Вари, Владимира Васильевича Славина, былъ назначенъ предводителемъ дворянства въ тѣ края, гдѣ года за два передъ этимъ скончался небольшой помѣщикъ Сольскій. Въ запутанномъ, заложенномъ, обремененномъ массой долговъ имѣніицѣ покойнаго остались на произволъ судьбы больная жена его и двое крошекъ - дѣтей, безъ родни и друзей, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Когда затѣмъ умерла вскорѣ и вдова, кредиторы захватили изъ дому все, что можно было унести;

остался нетронутымъ лишь сырой и мрачный покривившійся домъ. Дѣти оказались бы, въ полномъ смыслѣ слова, бездомными, холодными и голодными, если бы не ворчливая, неласковая на видъ, въ сущности же добрѣйшей души, няня—Анисья, которая приютила сиротъ у себя.

Случайно увидѣвшій дѣтей и заинтересовавшійся ихъ исторіей, предводитель дворянства принялъ малютокъ подъ свое покровительство: съ тѣхъ поръ дальнѣйшая судьба ихъ была обезпечена. Шестилѣтняго Диму приютила, тогда еще бездѣтная, только что вышедшая замужъ, Варвара Михайловна Славина, а его двухлѣтнюю сестренку, Катюшу, взяла на воспитаніе гостившая у Варвары Михайловны подруга, Анна Васильевна Гарина, прельстившись миловидностью ребенка. Черезъ двѣ недѣли Гарина увезла Катю на югъ, гдѣ всегда жила сама, и братъ съ сестрой были разлучены. Съ этого времени семья «тети Вари» стала Диминой семьей, ея жизнь и интересы—его интересами.

Четыре счастливыхъ, безмятежныхъ года прожилъ Дима въ домѣ Славиныхъ, затѣмъ наступило первое горе—разлука съ близкими, ставшими родными, людьми: ребенка, какъ круглаго сироту, приняли на казенный счетъ въ закрытое учебное заведеніе.

Тетя Варя сама подготовила мальчика, сама усидчиво и терпѣливо занималась съ нимъ, не смотря на то, что черезъ два года послѣ водво-

ренія Димы у нея родилась дочурка — Наташа, въ которой она души не чаяла. Но у тети Вари хватило тепла и заботъ на обоихъ; она даже сама отвезла Диму въ училище, чтобы хоть этимъ смягчить тяжесть разлуки.

Быстро неслись года. Мальчикъ постепенно превращался въ юношу. Но не стушевывалось, не слабѣло его чувство къ пріютившей его семьѣ, наоборотъ, оно тоже росло и крѣпло.

Теперь, когда онъ, по обыкновенію, пріѣзжалъ на праздники и каникулы, уже не одна тетя Варя съ радостью и нетерпѣніемъ ждала его: заслыша знакомый звонокъ, въ прихожую, вся запыхавшись, съ заалѣвшими щечками, влетала маленькая бѣлокурая дѣвочка, съ пышными свѣтло-золотистыми волосиками, съ лучистыми сѣрыми глазами, ясными и ласковыми, какъ глаза тети Вари. Съ радостнымъ крикомъ и блестящимъ взоромъ бросалась дѣвчурка на шею пріѣзжаго и горячо обнимала своего «милago, ненагляднаго, золотого Димочку».

Счастливые, веселые дни протекали въ этомъ домѣ, гдѣ всегда царило довольство и душевное и матеріальное, гдѣ во всемъ была полная чаша.

Но горе изъ-за угла подкарауливаетъ счастливыхъ людей. Идеально честнаго, а потому и довѣрчиваго Славина втянули въ рискованное предпріятіе, результатомъ чего была продажа съ молотка дома и полное разореніе. Говорятъ,

бѣда никогда не приходитъ одна: Владимиръ Васильевичъ былъ потрясенъ этой тяжелой неудачей, а больше всего тѣмъ обстоятельствомъ, что на него, безусловно чистаго, самого разореннаго и обманутаго, будто падала тѣнь за участіе въ этомъ, какъ потомъ только узналъ онъ, нѣсколько темномъ дѣлѣ. Многочисленные прежде, знакомые и пріятели стали рѣдѣть, искренняго участія и поддержки негдѣ было искать. Все вмѣстѣ взятое такъ повліяло на впечатлительную натуру Славина, что здоровье его пошатнулось и черезъ полгода его не стало.

Варвара Михайловна осталась съ незначительной пенсіей, безъ всякихъ постороннихъ доходовъ, съ десятилѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ. Дима въ это время только что поступилъ на первый курсъ медицинскаго факультета.

Однако, маленькая, хрупкая на видъ женщина оказалась сильной волей и духомъ: она не опустила рукъ, не дала отчаянію завладѣть собой. У нея была дочь, она *должна* была поставить ее на ноги; у нея былъ сынъ, пусть не родной, но онъ дорогъ ей, какъ родной, онъ тоже еще не у пристани, и ему еще необходима поддержка. И ея, съ раньше времени засеребрившимися нитями, головка цѣлый день оставалась наклоненной надъ столбцами цифръ въ управленіи желѣзной дороги, а потомъ, вечеромъ, долго за полночь можно было видѣть женщину

работающей надъ сложными переводами и корректурами.

Средствъ, слава Богу, хватало: Наташа ни въ чемъ не терпѣла лишеній, мать позволяла себѣ роскошь даже баловать ее. Дима могъ не переутомляться: ему нужно было заработать лишь настолько, чтобы прокормить себя; плату же въ университетъ, какъ ни протестовалъ онъ, какъ ни умолялъ не тратить своихъ трудовъ еще и ради него, все же настояла на своемъ и вносила тетя Варя. Да, средствъ хватало, но не хватило, видно, силы. Острое воспаленіе почекъ, перешедшее въ хроническое, подломило бѣдную женщину; но она крѣпилась бодро шла намѣченной тропой.

Дима мечталъ скорѣе окончить университетъ и прійти на помощь тетѣ Варѣ. Мечта осуществилась: онъ — докторъ. Вообще, какъ будто повезло: ему удалось получить мѣсто младшаго врача больницы въ томъ городѣ, въ 40 верстахъ отъ котораго находилось его крохотное разоренное имѣніе, уцѣлѣвшее и не пошедшее съ молотка, лишь благодаря заботамъ покойнаго Владимира Васильевича. Теперь Дима займется самъ приведеніемъ въ порядокъ хозяйства и дѣлъ, теперь онъ поможетъ тетѣ Варѣ. Но, къ великому огорченію, Варвара Михайловна наотрѣзъ отказалась отъ помощи. «Нѣтъ, родной, не возьму, пока я жива, намъ съ Наташей хватить; коли лишняя копейка заведется,

припрячь, когда-нибудь, увидишь, какъ пригодится. Да тебѣ теперь надо и домомъ обзавестись, и сестра прїѣдетъ къ тебѣ, а намъ, пока я жива, хватить; только бы мнѣ Богъ далъ Наташу на ноги поставить».

Въ жизни Кати за нѣкоторое время передъ тѣмъ тоже произошла перемѣна: Гарина, взявшая на воспитаніе дѣвочку, хотя любила ее, но портила своей неразумной привязанностью. Она наряжала ее, какъ куклу, постоянно возила по гостямъ, гдѣ въ глаза восхищались красотой ребенка, устраивала вечера и дѣтскіе спектакли, во время которыхъ тоже сыпались восторженные отзывы о граціи и якобы сценическомъ талантѣ ребенка. Благодаря такому образу жизни, бойкая и находчивая въ обществѣ, тогда уже 14-лѣтняя дѣвочка, въ классной комнатѣ, въ присутствіи учителей оказывалась полной невѣждой. Какъ разъ въ это время случилось непредвидѣнное нѣкъмъ обстоятельство—смерть еще молодой и здоровой Гариной. Дѣвочку пришлось помѣстить въ институтъ, гдѣ она давно уже числилась кандидаткой, но куда, не желая съ ней разставаться, все медлила съ ея опредѣленіемъ Гарина, родственники же поспѣшили отдѣлаться отъ вовсе не симпатичной имъ воспитанницы покойной...

Кое-какъ протянувъ институтскую лямку около четырехъ лѣтъ, за мѣсяць до переходныхъ экзаменовъ въ старшій, выпускной классъ,